

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Тата Шу

Всё в твоих
руках

Тата Шу

Всё в твоих руках

<https://litres.ru/74215328>

SelfPub; 2026

Аннотация

В двенадцать лет Дарина была пухлой и неуклюжей, прятала слёзы от обидных прозвищ и верила, что однажды всё изменится. Случайный разговор на даче стал для неё откровением. Одно простое обещание: «Всё в твоих руках» — перевернуло её мир.

Годы спустя она превратилась в девушку, на которую нельзя не обратить внимания. Но прошлое не отпускает, а случайная встреча грозит разрушить все её планы...

Эта история о том, как первая любовь становится испытанием, как боль предательства может оказаться ошибкой, а судьба имеет привычку удивлять. Это роман о взрослении, о том, как мы порой боимся признаться себе в чувствах, о силе выбора и о том, что за каждым решением стоит чья-то жизнь.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	10
Глава 3.	15
Глава 4.	22
Глава 5.	30
Глава 6.	36
Глава 7.	43
Глава 8.	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Тата Шу

Всё в твоих руках

Глава 1.

Дарина росла счастливым ребенком. Это было видно невооруженным глазом — по тому, как легко она смеялась, по доверчивому блеску карих глаз и, конечно, по круглым румяным щёчкам, которые так и хотелось ущипнуть. Она была поздней и долгожданной, и Вадим Валерьевич с Тамарой Николаевной души в ней не чаяли. Брат Андрей, который был старше на целых четырнадцать лет, сначала смотрел на этот писклявый свёрток с недоумением, но потом тоже привык и даже иногда брал её кататься на велике, посадив на раму.

В доме всегда пахло сдобой. Бабушкины пирожки с капустой, мамины блины, праздничные торты «Прага» — любовь в этой семье измерялась в килограммах сахара и муки. К первому классу Дарина была уже вполне себе пышечкой, и её это нисколько не смущало. До поры до времени.

Физкультура в школе была её личным адом. Лазанье по канату давалось с трудом, бег на время вызывал одышку, а когда она неуклюже пыталась поймать волейбольный мяч,

тот больно хлестал по пальцам. Но настоящий ад наступил, когда её, пыхтящую и красную от стыда, в очередной раз не взяли в команду, а кто-то из мальчишек, кажется, Колька Самохин, крикнул на весь спортзал:

- Эй, Бульчонок, иди на скамейку запасных!

Класс захихикал. Кличка прилипла мгновенно. «Бульчонок» — из-за того, что она была пухленькой, а её фамилия была Булычёва. Обидно было до слёз, до противного солёного комка в горле, который не позволял проглотить обиду.

Дома она рыдала, уткнувшись в мамины колени. Но Вадим Валерьевич присел рядом и погладил её по голове своей большой ладонью.

- Дочка, — сказал он мягко. — Ты просто послушай. Ты сейчас маленькая. А вырастешь — всё изменится. Обязательно. Ты станешь красавицей, вот увидишь. Мы с мамой знаем.

- Точно? — всхлипывала Дарина, шмыгая носом.

- Точно, — кивнула Тамара Николаевна, промокая платочком её мокрые щеки. — Родители никогда не обманут.

Дарина успокоилась. Папа с мамой сказали — значит, так и будет. Она поверила им свято, как верят в добрых волшебников.

Жизнь текла своим чередом. Андрей отслужил в армии, вернулся возмужавшим, а через пару месяцев за ужином огорошил:

- Бать, мам, меня Клим зовет. Помните, я про него расска-

зывал? Друг армейский. В Москву едем, работать и учиться. У него квартира от бабушки с дедом осталась, проживём пока у него.

Так Андрей уехал. Приезжал редко, на большие праздники, всегда с подарками, всегда весёлый и немного чужой. Москва, видно, забирала его целиком.

А потом случилось то самое лето на даче. Дарине уже исполнилось двенадцать. Она всё ещё была круглощёкой, но уже не так чтобы очень пухлой — фигура потихоньку начинала вытягиваться, хотя сама она этого не замечала. Зато она остро замечала другое. В садоводстве появился мальчик, Паша. Светлые вихры, серые глаза. Дарина заболела им сразу и безнадежно. Он подсаживался к ней на лавочку, просил решить математику, улыбался, и сердце её заходило от счастья. Она думала — это взаимно. Она думала — это любовь.

Иллюзия разбилась в один миг. Она шла к нему, чтобы отдать тетрадку, и услышала его разговор с приятелями за углом сарая.

- Паха, жених! — ржали пацаны. — Что, Бульчиху свою ждёшь?

- Да нужна мне эта Булка, — лениво отозвался Пашин голос. — У неё только уроки списывать. Смешная она, Бульчонок...

Дарина замерла. Земля ушла из-под ног. Тетрадка выпала из рук.

Она прибежала в свой сад и спряталась за старой яблоней.

ней, на лавочке, где никто не видит. Слезы текли градом, размазывая по щекам пыль и злость. Она не ревела в голос, а тихонько подвывала, зажимая рот ладошкой. Предательство было полным. Папа с мамой говорили, что она вырастет красавицей, но сейчас, в двенадцать лет, она была просто смешной толстой дурой, у которой только и пользы, что списать контрольную.

- Ты чего плачешь, Даринка?

Она вздрогнула и подняла голову.

Рядом стоял Клим, тот самый армейский друг брата, с которым Андрей жил в Москве. Он иногда появлялся на фото, а сейчас стоял тут, на их даче, живой и настоящий. Высокий, широкоплечий, с легкой небритостью и очень спокойными, добрыми глазами. На нём была только футболка, которую он, видимо, только что натянул — Дарина заметила, что он чуть вспотел после колки дров, и футболка липла к телу. А под ней угадывались те самые «кубики», о которых говорили девчонки в школе.

Он присел рядом на лавочку, не спрашивая разрешения, и просто смотрел выжидающе.

- Ничего, — шмыгнула носом Дарина, пряча глаза. Ей было стыдно, что он видит её такой, опухшей и красной.

- Бывает, — кивнул Клим, будто понимая всё без слов. — Первая любовь? Она всегда такая... кусачая.

Дарина удивленно моргнула. Откуда он знает?

- Не дрейфь, Бульчонок, — вдруг сказал он, и это прозвуч-

чало совсем не обидно, а по-свойски, почти ласково. — Вырастешь — ещё ого-го какой красавицей станешь. Я ж вижу.

- Откуда ты знаешь? — всхлипнула Дарина. — Все говорят, что я...

- А ты на меня посмотри, — перебил Клим. — Думаешь, у меня всегда такое тело было?

Она уставилась на него. Конечно, думала. Такие, как Клим — высокие, подкачанные, красивые — наверное, рождаются сразу такими.

- А вот и нет, — усмехнулся он. — Я в школе вообще колобком был. Неуклюжим таким. И знаешь, как меня девочка одна назвала, которая нравилась? Батоном. Смешно? Мне тогда не очень было. Обидно до слёз.

Дарина перестала всхлипывать. Она смотрела на него во все глаза, пытаясь представить Клима колобком, и не могла.

- Я тогда сам себе сказал: хватит. Не нравится — значит, буду делать. Качался, бегал, жрать меньше стал, — он улыбнулся. — И сделал. А та девочка теперь замуж за меня хочет. Только я уже не хочу.

Он чуть наклонился к ней, заглядывая в глаза:

- Понимаешь? Всё в твоих руках, Даринка. Ты пока маленькая, но пройдет пара лет, ты сама себя не узнаешь. А этого... как его... Пашку? — он хитро прищурился. — Ты его ещё перерастешь. Он тебе сто лет не нужен будет.

Дарина шмыгнула носом в последний раз. В груди вдруг стало тепло. Обида не исчезла совсем, но отступила, съёжи-

лась, перестала душить.

- Откуда ты знаешь про Пашку? — спросила она шёпотом.

- Брат твой рассказал. Андрюха переживает, — просто ответил Клим. — А я увидел, как ты бежала, и понял.

Он легонько сжал её плечо и встал.

- Пойдем, Бульчонок. Там шашлык поспел. Андрей тебя ищет.

Он пошёл к дому, широко шагая по траве, а Дарина смотрела ему вслед. Солнце пробивалось сквозь листву яблони, и вокруг головы Клима будто сиял золотистый ореол.

В тот момент она вытерла слёзы и поняла окончательно и бесповоротно: никакой Пашка ей больше не нужен. Потому что её герой — вот он. Высокий, сильный и добрый. Клим.

Глава 2.

Она записалась в бальные танцы через неделю после того разговора. Сама пришла в Дом культуры, застенчиво потопталась у порога, а потом выпалила тётеньке за столом:

- Я хочу научиться красиво двигаться. И похудеть.

Тётенька окинула взглядом её двенадцатилетнюю фигурку и почему-то вздохнула:

- Ох, девочка, ты бы знала, сколько вас таких приходит...

Ладно, давай родителей в известность ставь.

Мама удивилась, но спорить не стала. Бабушка всплеснула руками:

- Зачем дитя мучить, она и так красавица!

Но папа сказал своё веское слово:

- Хочет — пусть пробует. Это полезно.

А ещё через месяц Дара уговорила отвести её в бассейн. Теперь два раза в неделю танцы, два раза — вода. Первое время было тяжело. Ныли ноги, в бассейне она нахлебалась хлорки, но Дара упрямо молчала и продолжала. Каждый раз, когда хотелось бросить, она вспоминала ту лавочку под яблоней и человека, который сказал ей: «Всё в твоих руках».

Клим после того дня появился у них раза два. Она тайком поглядывала на него. А он поймав её взгляд, подмигивал ей.

Она думала о нём часто. Особенно по вечерам, когда ле-

жала в кровати и прокручивала в голове тот разговор — каждое слово, каждый жест, каждую улыбку. Как он натягивал футболку на влажный торс. Как назвал её Бульчонком, и это не обидно, а по-свойски. Как рассказал про батон. Как сжал плечо на прощание.

Иногда она ловила себя на том, что разговаривает с ним мысленно. Рассказывает про танцы, про бассейн, про то, как похудела ещё на килограмм. Глупо, конечно. Он в Москве, у него своя жизнь, работа, друзья, девушки. Он наверняка забыл ту плаксу на лавочке через пять минут.

Но Дара помнила.

Андрей приезжал редко. Раз в полгода, иногда реже. Мама с бабушкой каждый раз суетились, пекли пироги, а он появлялся — возмужавший, пахнущий городом, с подарками и легкой усталостью в глазах. Иногда один, иногда с девушкой.

Девушек Дара запомнила плохо. Они были разные — высокая блондинка с идеальным маникюром, тихая брюнетка, которая всё время молчала, рыжая хохотушка Лена, которая задержалась дольше всех. Целых три месяца о ней говорили. Бабушка даже начала надеяться:

- Вот, кажется, Андрюша наш остепенится!

А потом Лена пропала. Как и все остальные.

- Ну что за ветрогон, — вздыхала бабушка на кухне, грея чашками. — Девку хорошую нашёл, всё при ней, а он — нет, не прижилось. И этот друг его, Клим, туда же. Два сапога пара.

- Мам, ну что ты прямо как старая, — отмахивалась мама, но без уверенности в голосе.

- Я и есть старая! И умная. Ты посмотри на них: квартиры уже у обоих, машины — всё есть. А семьи нет. Вроде не дураки, а ветер в голове так и гуляет. И не зря, кстати, — бабушка многозначительно поднимала палец. — Фамилия у Клима какая? Ветров. Вот и гуляет ветер, туда-сюда. Кто кого с пути сбивает, твой Андрей его или он твоего — теперь и не разберёшь.

Папа, как всегда, сидел в кресле с газетой и философски замечал из-за торшера:

- А может, не встретили ещё свою любовь? Нагуляются и женятся. Значит, не та девушка пока попадалась.

- Ох, Вадим, — качала головой бабушка. — Любовь-любовь... А годы идут. Им хороших девок судьба подкидывает, а им всё не те. А сами-то? Те?

Дара слушала эти разговоры из своей комнаты, уткнувшись в книгу, и чувствовала странное щемление в груди. Она знала, что Клим ей не пара. Ей двенадцать, потом тринадцать, потом четырнадцать. А ему — почти тридцать. Она для него — просто эпизод. Маленькая смешная девчонка, которую он однажды пожалел.

Но иногда, когда никто не видел, она доставала старую фотографию, которую Андрей когда-то забыл на столе. Там было несколько человек, и Клим стоял с краю — смеющийся, красивый, с чуть прищуренными глазами. Она смотрела на

это фото и шептала:

- Я сделаю. Ты даже не узнаешь никогда. Но я сделаю. Всё в моих руках.

К весне, когда Даре пошёл четырнадцатый, она похудела на восемь килограммов. Танцевальный педагог, строгая Инна Львовна, которая поначалу морщилась на её неуклюжесть, вдруг сказала маме на родительском собрании:

- А у девочки способности есть. Очень старательная. И фигура меняется на глазах, это заметно. Хорошие данные для спортивных балльных. Если так пойдёт — через пару лет на соревнования можно будет выходить.

Мама пришла домой радостная, обняла Дару и шепнула:

- Слышишь, дочка? Молодец ты у меня. Папа с тобой прав был.

Дара улыбнулась, но думала о другом. О том, что в Москве есть кто-то, кто однажды сказал ей: «Вырастешь красавицей». И она растёт. Для него. Даже если он никогда этого не узнает.

Иногда по ночам она мечтала о случайной встрече. Вот она едет в Москву, поступает в университет, идёт по улице, а навстречу — он. Узнает? Наверное, нет. А она подойдёт и скажет: «Здравствуй, Клим. Помнишь Бульчонка?»

Но это были просто мечты. Глупые, девчачьи, несбыточные.

Андрей приезжал, уезжал, снова приезжал с новыми девушками. Бабушка вздыхала. Папа читал газету. Мама пекла

пирог.

А Дара росла. И ждала. Сама не зная чего.

Глава 3.

Она выросла. Это осознание пришло не в какой-то конкретный день, а постепенно, как рассвет — вроде только что было темно, а потом раз — и уже светло. В шестнадцать Дара поймала себя на том, что зеркало её больше не расстраивает. В семнадцать перестала прятать фото Климa в шкатулке, но оно почему-то всё равно лежало там, просто так, на память. В восемнадцать она впервые танцевала взрослую программу — латину, платье с блестками, высокий каблук, и партнёр смотрел на неё совсем не как на партнёршу.

Но Дара смотрела только внутрь себя. Туда, где на старой лавочке под яблоней сидел высокий парень и говорил: «Вырастешь красавицей» и «Всё в твоих руках».

- Ты чего зависла? — Женя тряхнула её за плечо. — Слушай сюда, разнарядка пришла.

Дара моргнула, возвращаясь в реальность. Они сидели в раздевалке Дворца культуры, пахло потом, лаком для волос и разогретым паркетом из зала.

- Какая разнарядка?

- Официальная. — Женя театрально развернула листок, хотя никакого листка у неё не было. — Мы едем на конкурс. В Москву.

У Дары ёкнуло сердце. Москва.

- Когда?

- Через две недели. Инна Львовна сказала. Всё, Дара, столица нас ждёт!

Москва. Это слово теперь стучало в висках каждый день. Дара репетировала до изнеможения, растирала ноги в кровь, но думала не о конкурсе. Она думала о том, что будет недалеко от Андрея. А значит — от возможности хоть что-то узнать.

Она позвонила брату за неделю до отъезда.

- Андрюш, привет. Мы с конкурсом в Москву едем. Можно к тебе заскочить?

- О, мелочь! — обрадовался Андрей. — Конечно, заскакивай. Я как раз дома буду в субботу. А то в пятницу у нас с Климом планы, а в субботу я свободен.

Клим. Она чуть не выронила трубку.

- С Климом? — переспросила как можно равнодушнее. — А что за планы?

- Да так, в «Мёд» идём. Старый друг из Питера приезжает, надо встретить. А что?

- Ничего, просто спросила. Ну, я в субботу тогда приеду.

Она положила трубку и долго сидела, глядя в стену. В клуб. В пятницу. Он будет там. Живой, настоящий. А она будет сидеть у брата на кухне и пить чай, зная, что он где-то рядом. Или не обязательно сидеть.

Обида поднялась откуда-то изнутри, горячая и горькая.

Ведь сказал же: «Вырастешь красавицей». Она выросла.

Она старалась. Она ночами не спала, тренируясь до седьмого пота, отказывалась от сладкого, терпела боль в мышцах. И всё для чего? Чтобы он больше не приехал. Чтобы даже не поинтересовался — а что там с той девчонкой, Бульчонком? Жива ли, выросла ли?

Ни звонка, ни письма, ни приветов через Андрея. Иногда она специально спрашивала брата: «А Клим как?», и Андрей отвечал коротко: «Нормально», «Работает», «С новой девушкой опять». Девушки у Климата менялись часто. Женя как-то нашла его в соцсетях, показала Даре:

- Смотри, какой красавчик у твоего брата друг!

Дара смотрела на фото, где Клим обнимал какую-то длинноногую блондинку, и внутри всё переворачивалось. Ревность съедала душу поедом. Она не имела на неё права, но ничего не могла с собой поделать. Каждая новая девушка Климата становилась её личным врагом. Дара рассматривала их фото и думала: чем она хуже? У неё теперь тоже длинные ноги, тонкая талия, красивые волосы. Она танцует, она выступает, она нравится другим. Но ему — нет.

Потому что он даже забыл, что она существует.

И вот теперь Москва. И этот клуб.

Идея пришла ночью, как всегда — внезапно и оглушительно. Дара села на кровати и уставилась в темноту. А что, если она его увидит? Не как сестра друга, не как та смешная девчонка из под яблони, а как кто-то другой? Как незнакомка? Интересно, посмотрит ли он на неё? Задержится ли

взглядом?

Она не хотела, чтобы он её узнал. Совсем. Это было бы хуже всего — снова стать для него «Бульчонком», младшей сестрой Андрея, которую однажды пожалели. Нет. Она хотела увидеть, каким взглядом он смотрит на других девушек. На тех, кого не знает с детства. На тех, в кого может влюбиться с первого взгляда.

На следующий день она подошла к Жене.

- Жень, у меня к тебе разговор.

- Ой, — Женя сразу насторожилась. — У тебя такое лицо, будто ты убить кого-то собралась. Колись.

- Ты же знаешь, что у меня брат в Москве?

- Ну.

- А у брата есть друг. Клим.

- А-а-а, — протянула Женя понимающе. — Красавчик с кубиками. И что?

Дара глубоко вздохнула.

- Они в пятницу идут в клуб. В тот самый вечер, когда мы должны готовиться к конкурсу.

- И?

- И я хочу пойти туда.

Женя моргнула. Потом ещё раз. Потом открыла рот и закрыла.

- Ты с ума сошла.

- Возможно.

- Дара, у нас конкурс через два дня! Инна Львовна нас

живьём съест, если узнает, что мы по клубам шлялись!

- А мы не по клубам шляться. — Дара говорила быстро, горячо, боясь, что Женя перебьёт. — Мы скажем, что поехали к моему брату. Ненадолго. Просто провести.

- А если твой брат захочет, чтобы мы сидели у него, а не в клубе?

- Он не узнает. Мы просто зайдём в клуб. Я только посмотрю на него. Издали. И всё.

Женя прищурилась.

- И он тебя не узнает?

- В том-то и дело, — Дара улыбнулась, но улыбка вышла нервной. — Я не хочу, чтобы он меня узнал.

- Чего? — Женя вытаращила глаза. — Ты шесть лет по нему сохнешь, тайком фото хранишь, а теперь не хочешь, чтобы он тебя узнал? Ты вообще соображаешь?

- Соображаю. Лучше, чем ты думаешь. Если он узнает меня — я снова стану для него той девчонкой с дачи. Бульчонком. Сестрой Андрея. А я хочу... понимаешь... я хочу увидеть, посмотрит ли он на меня как на незнакомку. Заинтересуется ли? Я изменю внешность так, что он ни за что не догадается.

- Как изменишь?

- Волосы перекрашу. Надену линзы голубые. Грим поярче, платье красивое. Я буду кто угодно, только не Дарина Булычёва из первого подъезда.

Женя смотрела на неё с уважением и ужасом одновремен-

но.

- Ты это серьёзно?

- Абсолютно.

- А если нас спалят? Если Инна Львовна узнает?

- Не узнает. Мы быстро. Зайдём, посмотрим, и уйдём. Я только хочу увидеть, смотрит ли он на таких, как я. Понимаешь? Хотя бы раз.

- Каких — таких?

Дара помолчала.

- На красивых. На тех, кого можно захотеть увидеть ещё раз.

Женя вздохнула.

- Дарка, ты что-то задумала. Я же вижу. И мне это не нравится.

Дара отвела взгляд.

- Ой, Жень... Не спрашивай. Сама боюсь.

- А если он на тебя даже не посмотрит?

- Значит, не судьба, — пожала плечами Дара, хотя внутри всё сжалось от этой мысли. — Но я хотя бы попробую.

Женя помолчала, потом тряхнула головой.

- Ладно. Чёрт с тобой. Идём в твой клуб. Но я буду рядом и если что — тащу тебя оттуда. И если нас выгонят с конкурса — ты мне будешь должна до конца жизни.

- Буду, — выдохнула Дара и обняла подругу. — Всю жизнь буду должна.

Вечером она лежала и смотрела в потолок. Рядом на стуле

висело платье — чёрное, короткое, совсем не то, в котором она обычно ходит.

Она не хотела, чтобы он её узнал. Она хотела, чтобы он увидел её заново.

Или не увидел вовсе.

Сердце колотилось так, что, казалось, соседи слышат. Скоро она проверит, работает ли магия того разговора под яблоней. Или это было просто «пожалел дурочку».

Глава 4.

В номере пахло лаком для волос и духами. Женя сидела на кровати, поджав ноги, и смотрела на Дару так, будто та собиралась прыгать с моста.

- Ты точно этого хочешь?

Дара не ответила. Она смотрела на себя в маленькое зеркало и не узнавала.

Платиновые волосы легкими волнами падали на плечи — она никогда не носила такой длины и такого цвета. Голубые линзы сделали взгляд чужим, холодным, почти стеклянным. Глаза, которые смотрели на неё из зеркала, были глазами незнакомки. Чёрное платье сидело идеально — короткое, облегающее, открывающее длинные ноги, которые она выработала годами танцев. Высокие каблуки добавляли роста.

Дара повернулась к подруге.

- Ну как?

Женя присвистнула.

- Блин, Дарка... Я бы тебя сама не узнала. Ты прямо... другая. Красивая, но другая.

- Красивая? — переспросила Дара.

- Охренеть какая. Если этот твой Клим на тебя не клюнет, значит, он слепой.

Дара улыбнулась, но улыбка вышла нервной.

- Он не мой. И не должен клонуть. Я просто хочу... сама не знаю чего. Сегодня меня зовут Кира.

- Ладно, поехали уже. А то я передумую, – вздохнула Женя.

Она встала, поправила своё скромное платьице и парик, который на неё напялила Дара. На всякий случай, чтобы Андрей не узнал.

- Кира, — повторила Женя. — Красиво. А фамилия?

- Какая разница? На один вечер.

Они выскользнули из здания, как две тени. Инна Львовна думала, что они спят после репетиции. Вместо этого две девушки ловили такси до центра Москвы.

Клуб «Мёд». Дорогой, модный, с вывеской неоновом-оранжевого цвета и швейцаром, который смотрел на всех так, будто оценивал, достоин ли ты перешагнуть порог.

Дара протянула карточки, стараясь не дышать. Сердце колотилось где-то в горле. Швейцар глянул на неё.

- Проходите.

Они вошли внутрь, и музыка ударила в уши — тяжёлый бас, пульсирующий свет, запах парфюма и дорогого алкоголя.

Женя дёрнула её за руку.

- Ну и где твой красавчик?

Дара уже шарила взглядом по залу. Андрей сказал, что они будут в VIP-зоне справа. Она помнила. И увидела. Сначала брата — Андрей сидел за столиком, что-то рассказы-

вал, размахивая руками. Рядом с ним какой-то незнакомый мужчина, наверное, тот самый друг из Питера. А напротив... Клим.

Он почти не изменился. Всё такой же высокий, широкоплечий, с лёгкой небритостью и той самой улыбкой, от которой у Дары шесть лет назад остановилось сердце. Он слушал Андрея, но взгляд его блуждал по залу — расслабленный, уверенный, хозяйский.

Дара вдруг испугалась. По-настоящему, до дрожи в коленях.

- Я не могу, — прошептала она Жене. — Жень, я не могу.

- Поздно, — отрезала Женя. — Ты уже здесь. Давай, Кира, соберись. Что там у тебя в плане?

План был дурацкий. Дара это понимала. Но другого у неё не было.

Они взяли по коктейлю у стойки — Дара едва пригубила, боясь, что выдаст себя дрожащими руками. Она следила за столиком краем глаза. Ждала.

Клим встал. Что-то сказал друзьям и направился к бару.

Дара замерла. Это был её шанс.

- Жень, — выдохнула она. — Я пошла. Ты оставайся здесь. Если что — я у выхода.

- Если что? — испуганно переспросила Женя. — Дара, ты куда?

Но Дара уже не слышала. Она сделала шаг, второй, третий — прямо в толпу, прямо туда, где лавировал между столи-

ками высокий мужчина в тёмной рубашке.

Она шла ему навстречу, глядя в сторону, будто ищет кого-то в зале. Сердце колотилось так, что заглушало музыку.

Столкновение вышло почти идеальным — она врезалась в него плечом, пошатнулась на каблуках и, если бы он не подхватил её за локоть, точно бы упала.

- Осторожнее, — сказал он. Голос. Тот самый. Низкий, чуть хрипловатый.

Дара подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза.

Секунда. Вторая. Он смотрел на неё. Не отрываясь. В его взгляде не было узнавания — только то самое, ради чего она это затеяла. Интерес. Чистый, мужской, жадный интерес.

- Простите, — выдохнула она. Голос прозвучал глухо, чужим. — Я засмотрелась...

- На что? — спросил он, всё ещё не отпуская её локоть.

- На вас, — просто сказала Дара.

Он улыбнулся. Та самая улыбка, от которой у неё подогнулись колени.

- Смелая.

- Просто честная.

Он помолчал секунду, разглядывая её. Платиновые волосы, голубые глаза, чёрное платье. Чужую красоту, под которой пряталась та самая девчонка из под яблони.

- Как тебя зовут? — спросил Клим.

- Кира.

- Красивое имя. Я Клим.

Он протянул руку. Дара вложила свою ладонь в его, и по телу пробежал ток.

- Очень приятно, Клим.

- Взаимно, Кира. Ты здесь одна?

- С подругой. Но она уже ушла, — соврала Дара, бросив взгляд в сторону бара, где Женя делала вид, что рассматривает потолок.

- Значит, ты свободна?

Она кивнула. Клим оглянулся на свой столик, где Андрей как раз рассказывал что-то питерскому другу, потом снова посмотрел на неё.

- Подожди меня здесь, — сказал он. — Я сейчас.

Он развернулся и пошёл назад к столику. Дара видела, как он подошёл, наклонился к друзьям, и даже сквозь музыку ей показалось, что она слышит его слова, которые потом, через много лет, будет вспоминать как самое сладкое и страшное мгновение в жизни:

- Мужики, я пропал. Там такая девчонка! Пока из рук не уплыла — надо брать. Извините, но я сегодня не с вами.

Андрей что-то крикнул ему вслед, засмеялся, но Клим уже не слушал. Он шёл обратно к бару. А Дары там уже не было.

Она скользнула в толпу, как рыба в воду, обогнула танцпол, лавируя между разгорячёнными телами, и вынырнула у выхода. Холодный воздух ударил в лицо, но ей было жарко.

Женя вылетела следом через минуту.

- Ты чего творишь?! — зашипела она. — Он там тебя ищет! Он охренел, он к друзьям подошёл и сказал что-то.

- Я знаю, — перебила Дара. — Я слышала.

- И ты сбежала?!

- Я не сбежала. Я жду.

Она прислонилась к стене у входа, поправила волосы, глухо вздохнула. Сердце колотилось где-то в горле.

Женя смотрела на неё круглыми глазами.

- Ты псих, Дара. Ты просто псих.

- Я Кира, — напомнила Дара, глядя на дверь клуба. — Поезжай в гостиницу. Я скоро.

- Да ни за что! Я тут с тобой останусь, мало ли...

- Жень, пожалуйста. Я должна одна. Иди.

Женя хотела поспорить, но увидела её лицо и сдалась.

- Если через час не вернёшься, я позвоню Инне Львовне и всё расскажу, — пригрозила она на прощание и растворилась в темноте.

Дара осталась одна. Спиной к стене.

Она ждала. Секунды тянулись как резиновые. Минуты — как часы.

А потом дверь распахнулась, и на улицу вышел Клим. Огляделся. Увидел её.

Он подошёл медленно, не сводя с неё глаз. Остановился в полуметре.

- Убегаешь? — спросил он. В голосе не было обиды, только интерес.

- Нет, — ответила Дара. — Жду.

- Меня?

- Тебя.

Он улыбнулся той самой улыбкой.

- Смелая, — повторил он. — Очень смелая. И очень красивая.

- Ты это уже говорил.

- Я это ещё не раз скажу.

Клим сделал шаг ближе. Между ними оставалось несколько сантиметров.

- Кира, — произнёс он её имя, пробуя на вкус. — Ты москвичка?

- Нет. Я здесь на пару дней.

- Мало.

- Может, хватит, — ответила Дара, глядя ему в глаза.

Он усмехнулся.

- Дай телефон.

- Зачем?

- Хочу тебя ещё раз увидеть. До того, как ты уедешь.

Дара молчала. Внутри всё кричало: «Соглашайся! Это же он! Это Клим! Твоя мечта!»

Но другая часть — та, что шесть лет ждала и так и не дождалась даже весточки, — шептала: «Осторожно. Он не знает, кто ты. Он видит только маску».

- Хорошо, — сказала она и продиктовала номер. С одной из сим-карт, старой, ещё бабушкиной, корпоративной.

Клим набрал — в её сумочке пикинул телефон.

- Теперь ты от меня не спрячешься, — сказал он.

- А если я спрячусь?

- Найду.

Дара посмотрела на него. На этого мужчину, которого любила шесть лет. Который даже не подозревал о её существовании. Который сейчас смотрел на неё так, как она мечтала, чтобы он смотрел.

- Найди, — тихо сказала она.

И, развернувшись, пошла в темноту, оставив его стоять у входа в клуб.

Она не обернулась. Боялась, что не сможет уйти.

Глава 5.

Она не знала, как это вышло. Точнее, знала. Всё было просчитано, как в танце — шаг, поворот, ещё шаг. Но когда Клим взял её за руку и спросил:

- Поехали ко мне? — внутри всё оборвалось.

Нельзя. Опасно. Он узнает. Но Дара смотрела в его глаза — те самые, которые снились ей шесть лет, — и понимала: плевать.

- Поехали, — сказала она.

В такси он молчал, только держал её руку в своей, поглаживая большим пальцем запястье. Дара смотрела в окно на огни Москвы и думала: вот он, город, где он живёт. Где он просыпается каждое утро. Где приводит своих девушек. Ревность кольнула, но тут же отпустила.

Сегодня она здесь. Не та, прежняя Дара, а Кира. И сегодня всё будет так, как хочет она. Сегодня всё в её руках.

Квартира оказалась большой, светлой. Клим включил свет, повернулся к ней, хотел что-то сказать, но Дара не дала. Она шагнула к нему сама. Обхватила ладонями его лицо — колючее от вечерней щетины — и поцеловала. Сама.

Сначала он удивился, всего на секунду, а потом ответил. Жадно, нетерпеливо, прижимая её к себе так, что стало трудно дышать. Его руки скользнули по спине, сжали талию, по-

тянули вверх подол чёрного платья.

- Подожди, — выдохнула Дара ему в губы.

Он замер.

- Что?

- Я сама.

Она отстранилась, глядя на него. Такого красивого, такого желанного. Расстегнула молнию на платье и позволила ему упасть к ногам. Осталась в кружевном белье, которое выбирала специально для этого вечера — белом, почти невинном, и от этого ещё более провокационном.

Клим смотрел. Жадно, не скрывая восхищения.

- Ты невероятная, — выдохнул он.

- Ты ещё ничего не видел, — улыбнулась Дара.

Она шагнула к нему, расстегнула пуговицы на его рубашке, медленно, одну за другой, касаясь пальцами горячей кожи. Рубашка упала на пол. Дара провела ладонями по его груди — той самой, о которой мечтала, представляя кубики под футболкой. Теперь она видела их в живую.

Она наклонилась и поцеловала его в ключицу. Потом ниже. Ещё ниже.

Клим застонал, запрокинув голову.

- Кира...

- Тихо, — прошептала она. — Я сама.

Она толкнула его в грудь, заставляя сесть на край кровати. Он подчинился — удивлённый, возбуждённый, заинтригованный.

Дара встала перед ним на колени.

- Ты что... — начал он.

- Я сказала: я сама.

Она расстегнула его ремень, потом ширинку. Он был уже готов — твёрдый, горячий, пульсирующий. Дара обхватила его рукой — впервые в жизни — и почувствовала, как дрожит его тело. Она наклонилась и провела языком по головке.

Клим выдохнул сквозь зубы:

- Чёрт... Кира, не надо, я...

Она подняла на него глаза — голубые линзы, чужой взгляд, но за ним пряталась она, настоящая, та самая девочка.

- Тебе не нравится? — спросила она.

- Нравится, — выдохнул он. — Слишком... сильно нравится. Я хочу в тебя.

- Не торопись.

Она снова наклонилась, лаская его губами, языком, руками. Он пытался подняться, уложить её, перехватить инициативу, но она каждый раз останавливала его:

- Нет, Клим. Лежи.

- Ты меня убьёшь, — простонал он.

- Потерпи.

Она целовала его живот, грудь, снова возвращалась к члену, доводя до исступления. Когда он уже был на грани, когда его дыхание сбилось, а руки вцепились в простыни, Дара выпрямилась.

- А теперь, — сказала она. — Теперь можно.

Она сняла трусы, глядя ему в глаза. Потом медленно, очень медленно оседлала его, нависая сверху.

- Кира... — выдохнул он.

Она опустилась на него. Боль была резкой, как удар током. Дара закусила губу, чтобы не закричать, и замерла, привыкая. Клим под ней замер тоже — почувствовал? Понял? Но его глаза были затуманены страстью, он не спрашивал, только гладил её бёдра, пытаясь унять дрожь.

- Всё хорошо? — выдохнул он.

- Да, — прошептала Дара, сморгнув слёзы.

Она начала двигаться. Медленно, осторожно, принаравливаясь к ритму. Было больно, но эта боль была сладкой, потому что под ней был он. Тот, кого она любила. Тот, для кого она меняла себя.

Клим застонал, запрокинув голову, и попытался перевернуть её, но Дара упёрлась ладонями ему в грудь.

- Нет, — выдохнула она. — Я хочу сама. Дай мне.

Он подчинился. Только смотрел на неё снизу вверх — на платиновые волосы, разлетающиеся по плечам, на голубые глаза, на её тело, двигающееся на нём, — и шептал:

- Ты безумная... ты невероятная...

Она двигалась всё быстрее, забыв про боль, чувствуя только его внутри себя. Он пытался сдерживаться, но когда Дара сжалась вокруг него, наклоняясь для поцелуя, он не выдержал.

- Кира... я сейчас...

Она почувствовала, как он напрягся, как горячая волна заполнила её, и в этот момент поняла: это случилось. Её первая ночь. С ним.

Ему показалось, что он кончил почти сразу — слишком возбуждённый, слишком долго терпевший её ласки. Дара опустила ему на грудь, всё ещё чувствуя пульсацию внутри.

Они лежали молча. Потом Клим обнял её, прижал к себе, поцеловал в макушку.

- Ты... — начал он. — Ты была... Господи, я даже слов не подберу.

Дара молчала, уткнувшись носом в его плечо.

- Кира, — позвал он. — Ты как?

- Хорошо, — прошептала она.

- Ты плачешь?

- Нет. Счастлива.

Он приподнялся на локте, заглянул ей в лицо. В темноте не было видно слёз, только блеск глаз.

- Ты необычная, — сказал он. — Такая... другая.

- Правда? — спросила Дара.

- Правда. Я таких не встречал.

Она улыбнулась и закрыла глаза. На простыне останутся следы, о которых он пока не знал. А может, и знал, но молчал. Она не поняла, догадался ли он, что был первым. И не хотела спрашивать.

Пусть думает, что хочет. Сегодня она была Кирой. А Кира — смелая, дерзкая, невероятная — могла всё. Даже то, о чём настоящая Дара боялась мечтать.

Глава 6.

Она думала, что это будет один раз. Один раз — и всё. Насмотреться, надышаться, запомнить на всю жизнь и уйти.

Но Клим не отпускал. Они лежали в темноте, тяжело дыша, когда он вдруг повернулся к ней и провёл пальцем по её плечу.

- Ты не устала?

- Нет, — выдохнула Дара.

- Хорошо.

Он поцеловал её. Медленно, совсем не так, как в первый раз — не жадно, а почти нежно, изучающе. Его губы скользили по её шее, ключицам, спускались ниже. Дара выгнулась, зарываясь пальцами в его волосы.

Во второй раз всё было иначе. Медленнее, глубже, словно он хотел запомнить каждое её движение, каждый вздох. Он перевернул её на спину и навис сверху, глядя в глаза.

- Какие у тебя глаза... — прошептал он. — Как будто небо.

Дара улыбнулась, зная, что это не её глаза. Но сейчас было всё равно.

Он входил в неё плавно, почти бережно, и она чувствовала, как тело откликается — уже без боли, только с чистым, пьянящим удовольствием. Она обхватила его ногами, прижимая ближе, и он застонал, уткнувшись лицом в её шею.

- Кира... — выдохнул он. — Что ты со мной делаешь...

Она не отвечала. Только гладила его спину, чувствуя, как напрягаются мышцы под её ладонями.

Потом был третий раз. И четвёртый. Где-то в этот промежуток Клим вдруг замер над ней, глядя с какой-то новой, незнакомой нежностью.

- Ты знаешь, — сказал он тихо. — Я никогда... никому не говорил такого. Но с тобой...

- Что? — прошептала Дара.

- Я тону, — просто сказал он. — В тебе. С первого взгляда. Как мальчишка.

Она притянула его за шею, целуя в уголок губ.

- Ты не мальчишка.

- С тобой чувствую себя мальчишкой, — усмехнулся он. — Глупым, влюблённым мальчишкой. Ты ведь понимаешь, что это безумие? Я тебя не знаю. Совсем. А уже не хочу отпускать.

- Не отпускай, — прошептала Дара.

- Не отпущу.

Он заснул под утро, уткнувшись носом в её волосы. Дара лежала неподвижно, боясь пошевелиться, и слушала его дыхание. Сердце колотилось где-то в горле, и она думала: «Я никогда не пожалею. Никогда. Даже если завтра всё рухнет».

Клим вдруг пошевелился, прижимая её крепче, и пробормotal:

- Ты пахнешь ванилью... как булочка...

Дара замерла.

Булочка. Это слово ударило прямо в сердце. Так её называли в школе. Булка. Бульчонок. А Клим во сне, сам не зная того, называл её булочкой.

Она смотрела в потолок и чувствовала, как по щеке ползёт слеза. Счастливая, горькая, солёная. Он чувствует. Где-то внутри, на каком-то подсознательном уровне он чувствует, что это она. Та самая девчонка. Или просто совпадение?

Дара закрыла глаза и прижалась к нему. Пусть будет что будет. Эту ночь у неё никто не отнимет.

Она провалилась в сон без сновидений — тяжёлый, глубокий, как в детстве после целого дня на речке. Ей казалось, прошла всего минута, когда в сумочке на полу требовательно пиликнул телефон.

Дара открыла глаза. Рядом спал Клим — разметавшись на подушке, с тенью улыбки на губах, такой красивый, что защемило сердце.

Телефон пиликнул снова. Дара осторожно высвободилась из его рук, стараясь не разбудить. Босиком, на цыпочках прокралась к сумочке, вытащила телефон.

Женя: «Ты где?!

Женя: «Дара, мать твою, уже утро!

Женя: «Инна Львовна собирает на завтрак через час! Если тебя не будет — я скажу, что ты заболела, но потом прикрывай сама себя!»

Женя: «ДАРА!!!»

Она посмотрела на экран. Семь утра. Семь утра!

В голове зашумело. Конкурс сегодня. Репетиция. А ещё парикмахерская, потому что волосы нужно приводить в порядок, перекрашивать обратно из платиновой блондинки в себя. А ещё линзы вынимать, макияж смывать, спать хотя бы пару часов...

Она лихорадочно заметалась по комнате, собирая одежду. Нашла всё, оделась за минуту, кое-как пригладила волосы.

Клим пошевелился во сне, что-то пробормотал, перевернулся на другой бок.

Дара замерла. Сердце колотилось так, что, казалось, разбудит его.

Она подошла к кровати. Постояла секунду, глядя на него. Такого родного и такого чужого. Мужчину, которому отдала свою первую ночь. Который шептал ей, что тонет. Который называл её булочкой.

- Прости, — прошептала она беззвучно.

Выскользнула в коридор, нажала ручку двери — та щёлкнула слишком громко. Дара зажмурилась, прислушалась. Тишина.

Она вылетела на улицу, вдохнула прохладный утренний воздух, поймала такси за две минуты — Москва не спала, Москва уже неслась куда-то по своим делам.

В машине она набрала Женю.

- Я еду.

- Живая?! — зашипела та в трубку. — Ты где была? Я чуть

с ума не сошла! Три часа ночи, четыре, пять — тебя нет! Я уже думала в полицию звонить!

- Всё хорошо, — выдохнула Дара. — Я у него была.

Пауза.

- У него? — переспросила Женя другим голосом. — У

КЛИМА?

- Да.

- И чё? Как? Рассказывай!

- Потом, Жень. Всё потом. Мне нужно в парикмахерскую.

- Зачем? У тебя же свои волосы норм...

- Женя, — Дара понизила голос, хотя таксист слушал своё радио. — Мне сегодня на конкурс. Я должна быть снова ша-тенкой с карими глазами. Понимаешь?

Женя выдохнула так, будто ныряла.

- Ты псих. Ты просто псих. Ты где?

- Еду. Встречай.

Через сорок минут Дара влетела в комнату. Женя уже ждала с чашкой кофе.

- Сколько времени?

- Девятый час. Репетиция в одиннадцать. Успеешь и в салон, и на репетицию.

Дара рванула в душ. Смыла с себя запах ночи, Клима, любви. Стоя под горячими струями, чувствовала, как по телу текут слёзы, и не могла понять — от счастья или от отчаяния.

В парикмахерской женщина с идеальным макияжем и цепким взглядом оглядела платиновые волосы.

- Деточка, ты чего с собой сделала?

- Долгая история, — вздохнула Дара. — Мне обратно. В шатенку. Максимум натурально. И быстро.

- Быстро не обещаю, — Ирина уже колдовала над краской. — Но постараюсь. Сиди смирно.

Два часа ада. Она сидела в кресле, смотрела на своё отражение и прокручивала в голове ночь. Его губы. Его руки. Его шёпот: «Я тону в тебе». Его сонное: «Пахнешь ванилью... как булочка».

- Готово, — объявила мастер. — Смотри.

Из зеркала смотрела Дара. Своя. Настоящая. Карие глаза, тёмные волосы, никакой платины.

- Спасибо, — выдохнула она.

В одиннадцать десять она влетела в зал, где Инна Львовна уже метала гром и молнии.

- Булычёва! — загремело на весь зал. — Явилась! Я что сказала? В одиннадцать репетиция! А сейчас сколько?

- Простите, Инна Львовна, — Дара сложила руки в молитвенном жесте. — Парикмахерская задержала. Конкурс же.

- Ладно, — неожиданно легко смиростивилась педагог. — Разминайся быстро. У нас прогон через полчаса.

Дара перехватила взгляд Жени. Та стояла у станка, смотрела с уважением и ужасом одновременно.

- Выжила? — одними губами спросила Женя.

- Потом, — так же беззвучно ответила Дара.

Она встала в позицию, включила музыку в голове и начала

разминку. Ноги гудели, всё тело ныло, между бёдер саднило. Каждое движение напоминало о прошедшей ночи. Но она танцевала.

Потому что скоро конкурс. А после конкурса... Она не знала, что будет после.

Клим звонил. Он не знал, что его Кира сейчас стоит в балетном зале и делает плие под строгим взглядом Инны Львовны.

«Может он уже проснулся и ищет? Набирает номер, который она ему дала?»

Дара гнала эти мысли прочь. Сейчас нужно было думать только о танце.

Но мысли возвращались. Вместе с запахом его кожи, который всё ещё, кажется, остался на её теле.

Она танцевала, и каждый взмах руки, каждый поворот головы был для него. Даже если он никогда об этом не узнает.

Глава 7.

Конкурс проходил в огромном зале Дворца молодежи. Зеркала, хрустальные люстры, строгое жюри за длинным столом и терпкий запах лака для волос, смешанный с нервным возбуждением. Дара стояла за кулисами, поправляя перья на ярко-красном платье для латины. Сердце колотилось где-то в горле, но это была знакомая, рабочая дрожь перед выходом. Всё тело ныло после вчерашнего, но она старалась не обращать на это внимания. Это была её личная, сладкая боль.

Телефон в клатче завибрировал коротким «дзынь». Андрей: «Мелкая, мы с Илькой болеем за тебя. Успехов! Мы у служебного выхода. Если сможешь, выйди».

Дара улыбнулась, но сердце пропустило удар. Клим. Она запретила себе думать об этом, но мысль колючкой засела под кожей: он проснулся, а её нет. Что он подумал? Или ему всё равно, мало ли таких «Кир» у него было?

У неё было ещё полчаса. Женя колдовала над своим макияжем, Инна Львовна руководила процессом, как полковдец. Дара чувствовала, что задыхается в этой суете. Ей нужно было на воздух, на секунду вынырнуть из этого безумия.

- Я на пять минут, к брату выйду, — шепнула она Жене.

- Только быстро! — шикнула та.

Дара накинула поверх платья длинный кардиган, прикрыв блески и перья, и выскользнула через служебный выход. Было прохладно и шумно от работающих кондиционеров. Андрей с другом стояли у высокой чугунной ограды, курили, о чем-то оживленно беседуя. Они не видели её.

Дара уже открыла рот, чтобы окликнуть брата, как ветер донес до неё обрывок фразы, произнесенный голосом Андрея. Голос был весёлым, смакующим, каким мужики делятся скабрёзными подробностями.

- ...Представляешь, Ветров вчера с девчонкой кувыркали у себя в квартире. Ирка утром приехала, ключи-то у неё есть, а он дрыхнет без задних ног, и простыня, блин, в крови! — Андрей хохотнул и покачал головой. — У тёлки, видимо, месячные были, а они всю ночь, судя по бардаку, отжигали. А ведь с Иркой серьезно вроде было, собирались заявление подавать.

Илья, питерский друг, только усмехнулся в ответ, затягиваясь сигаретой:

- Ну, да, неприятная история. В первый раз, что ли, у него? С Иркой теперь точно разбегутся. А эту, ночную, он и не найдет уже, наверное. Такие тёлки — ветер. Другую найдет.

Дара замерла, вжавшись спиной в холодную стену здания. Земля ушла из-под ног, как тогда, за сараем на даче. «Тёлка», «месячные», «кровь на простыне». Они говорили о ней. О ней! О той ночи, которая была для неё священной, первой и единственной. Они говорили об этом с таким гряз-

ным, сальным вкусом, будто обсуждали какой-то анекдот. Для них это была просто «тёл...», с которой Клим «кувыркался».

Кровь на простыне была не от месячных. Глупые, самоуверенные кретины. Это была её девственность, которую она, дура, отдала мужчине своей мечты, думая, что это что-то значит. А для него, судя по тому, как спокойно он уснул, это был просто «секс с тёлкой». И его друг, Илья, с таким же пренебрежением называл её «такой тёлкой».

Внутри всё рухнуло. Сладкая боль в теле мгновенно превратилась в тупую, унижительную. Комок подкатил к горлу, солёный и противный, как много лет назад. Но сейчас она была не маленькой девочкой, которая убежит рыдать под яблоню. Сейчас она — Дара, боец, танцовщица. Она закусила губу до крови, глубоко вздохнула, расправила плечи и нацепила на лицо самую лучезарную, самую беззаботную улыбку, на которую была способна.

- Андрей! — позвала она звонко, выходя из-за угла.

Андрей обернулся, и его лицо мгновенно расплылось в радостной улыбке. Он затушил сигарету и широко раскинул руки.

- О, мелка-а-ая! — Он подхватил её, чмокнул в щеку, осторожно, чтобы не смазать грим. — Привет, красавица! Смотрю, и правда невеста стала.

- Привет, — Дара улыбнулась ему, чувствуя, как мышцы лица сводит судорогой.

- Чего не заехала? Мы же договаривались! — Андрей слегка отстранил её, оглядывая с гордостью.

- Некогда было, — Дара повела плечом, изображая усталость. — Репетиция, потом готовились. Сам понимаешь.

- А, ну да, — кивнул он. — Слушай, а я тут маме с папой скинул смс, что мы приехали. Они просили фото с выступления.

- Скинь обязательно, — попросила Дара.

Она чувствовала на себе тяжелый, оценивающий взгляд. Илья. Он смотрел на неё в упор, с каким-то жадным, почти собственническим интересом, от которого по коже пробежали мурашки. Отвращение смешалось с горечью. Этот человек только что называл её «тёлкой» в разговоре.

- А это, знакомься, — Андрей перехватил взгляд друга. — Мой друг, Илья. Мы вместе служили. А это сестра моя, Дарина Булычёва, — представил он с шутливой торжественностью.

- Очень приятно, Дара, — Илья шагнул вперед и протянул руку. — Наслышан. Но, честно говоря, действительность превзошла все ожидания.

Дара вложила свою ладонь в его. Рукопожатие было крепким, чуть затянутым. Она вежливо, ледяным тоном ответила:

- Взаимно.

Илья не спешил отпускать её руку.

- Какое красивое имя. И внешность под стать. Выступа-

ешь?

- Да, — коротко ответила Дара, высвобождая руку. Ей физически было неприятно его прикосновение. — Мне пора. Скоро мой выход.

- Конечно-конечно, — закивал Андрей. — Мы тут поболеем. Только давай, покажи им там всем!

- Постараюсь, — она чмокнула брата в щёку на прощание и, развернувшись, быстро пошла к двери.

- Удачи! Ни пуха, ни пера! — крикнули ей вслед оба.

Она уже взялась за ручку двери, когда ветер донес до неё приглушенный голос Ильи:

- Слушай, Андрюх, а у тебя сестра — просто огонь! Красавица писаная. А ты говорил, пухленькой была. Ты не против, если я за ней с самыми серьёзными намерениями приударю? В смысле, познакомлюсь поближе?

У Дары свело скулы. Она замерла на секунду, прислушиваясь. Ответ Андрея был резким, как пощёчина:

- Слышь, Бортников, ты это... того. — Он шутливо, но вполне весомо потряс у друга перед лицом кулаком. — Слюни не распускай. Ей только восемнадцать исполнилось, учится ещё, вон, танцами занимается. Нечего ей с вами кобелями якшаться. Не про её честь ваши кобелиные натуры. А то во! — он выразительно качнул кулаком. — Понял?

- Ладно, ладно, остынь, — примирительно поднял руки Илья. — Я ж с уважением. Просто спросил.

- Вот и спрашивай поменьше, — буркнул Андрей, но в

голосе уже слышалась улыбка.

Илья, усмехнувшись, полез в карман за новой сигаретой, но, видимо, вспомнив что-то, добавил с ленцой в голосе:

- А Клим-то наш, Ветров, тоже, кстати, на её фотки, которые ты в прошлом году в чате кидал, слюни знатно пускал. Помнишь, когда она с выпускного фото выставила? Прямо за-смотрелся. Я ещё подумал: вот это реакция у мужика. Пришлось тебе тогда ему дышалку перекрыть и в гости не звать, да?

Андрей хмыкнул:

- Ну да. Сказал ему: она не для твоих игр растёт. Правильно сделал?

- Сделал, — пожал плечами Илья. — Только зря ты так. Она уже взрослая. Сама разберется, с кем ей игры играть.

Дара стояла, прижавшись лбом к холодному косяку двери, и слушала. Её трясло. Клим смотрел на её фото. Клим пускал слюни, по выражению брата. Значит, не всё ему было равно? Значит, он видел её, настоящую, уже выросшую, и засматривался? А потом... а потом она сама пришла к нему в образе Киры. И он... он её не узнал. Но захотел. Сильно захотел.

Но эта ночь... Для него она была просто «тёлкой». «Тёлка с месячными». Кровь на простыне он тоже истолковал по-своему, по-мужски, грязно.

Мысли путались. Она ненавидела его за эту грязь. Ненавидела себя за то, что всё ещё любит. Ненавидела брата, ко-

торый считает её маленькой девочкой, но при этом, оказывается, следит за тем, чтобы к ней не подходили «кобели».

Она толкнула дверь и влетела в коридор, чуть не сбив с ног Инну Львовну.

- Булычёва! Ты где ходишь?! — зашипела та.

- Я готова, — выдохнула Дара, скидывая кардиган. — Я абсолютно готова.

Она вышла на сцену, залитую софитами, и музыка заполнила всё вокруг. Она танцевала, как в последний раз. Выкладывая в каждом движении всю свою боль, всю злость, всю нерастраченную любовь и дикую, невыносимую обиду. Она танцевала для Клима, которого ненавидела. Она танцевала назло ему, назло Илье с его сальными взглядами, назло брату с его гиперопекой. Она танцевала за ту маленькую девочку под яблоней, которая так свято верила в сказку.

Когда музыка стихла, в зале взорвались аплодисменты. Жюри согласно закивало. А Дара, раскланиваясь, чувствовала, как по щекам, смешиваясь с тональным кремом и блестками, текут настоящие, горькие слёзы. Слёзы взросления.

Глава 8.

Золото. Они стояли на верхней ступени пьедестала, и Дара сжимала в руке тяжёлую медаль с гравировкой. Кирилл, её партнёр, справа от неё сиял так, что мог бы заменить софиты. Он обнял её за талию, притянул ближе, и Дара механически улыбнулась в камеры. Фотовспышки, крики «браво», Инна Львовна утирала платочком глаза — триумф.

Кирилл что-то кричал ей на ухо, пытаясь переорать толпу, но Дара не слышала. Она смотрела в зал, искала кого-то глазами, хотя прекрасно знала, что искать некого. Тот, кого она хотела бы здесь увидеть, даже не знает, кто она на самом деле. И никогда не узнает.

В раздевалке Женя налетела на неё первой, хотя танцевала со своим партнёром и взяла серебро.

- Дарка! Мы сделали это! — Женя повисла на ней, потом отстранила за плечи, заглядывая в лицо. — Ты чего? Медаль не радует? Мы победили!

- Радует, — Дара провела пальцем по гладкому металлу. — Очень.

- Врёшь, — отрезала Женя. — Ладно, молчи. Знаю я твоё лицо. Из-за него?

- Из-за себя, — поправила Дара. — Из-за собственной дурости.

Кирилл подошёл сзади, всё ещё возбуждённый победой, и хлопнул Дару по плечу:

- Булычёва, мы боги! Ты видела, как мы их сделали? Отмечать идём?

- Потом, Кир, — мягко высвободилась Дара. — Завтра ещё европа. Давай сначала добьём.

- Ну ты жёсткая, — покачал головой партнёр, но спорить не стал. — Ладно, завтра после победы уже без вариантов.

Он ушёл к своим, а Дара достала из сумки телефон. Покрутила в руках. На экране высветилось три пропущенных от неизвестного номера. И одно сообщение: «Кира. Это Клим. Проснулся, а тебя нет. Так нечестно. Ты где? Напиши мне или перезвони. Очень нужно увидеть».

Она прочитала и внутри всё перевернулось. «Очень нужно увидеть». Нужно? Или хочется? Ещё на одну ночь? Он уже звонит, ищет. Но что будет завтра? Через неделю? Когда она ему наскучит, когда он поймёт, что она обычная? Когда найдёт новую «Киру», блондинку покрасивее?

Андреевское: «Клим на её фотки слюни пускал». И тут же: «Тёлка с месячными». Два Клим. Один — который смотрел на её фото и видел красивую девушку. Второй — который проснулся рядом с ней и увидел только грязную постель.

Дара нажала кнопку удаления сим-карты. Маленький кусочек пластика выпал в ладонь. Она сжала его в кулаке, чувствуя, как острые края впиваются в кожу.

- Что ты делаешь? — тихо спросила Женя.

- Выкидываю idiotские мечты, — ответила Дара и щёлкнула пальцами, отправляя симку в мусорное ведро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.